

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ

ГОРОДСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-4

Л59

Charles de Lint
Dreams Underfoot

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA LLC

Художественное оформление *Василия Половцева*

Линт, Чарльз де.

Л59   Городские легенды / Чарльз де Линт. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 608 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-096618-9

Ньюфорд — большой город, как Оттава или Нью-Йорк. И чудес в нем не больше и не меньше, чем в любом городе мира. Просто здесь их умеют видеть. На улицах Ньюфорда оживают древние мифы, появляются загадочные существа, таинственные призраки переносятся из прошлого, любовь и ненависть материализуются.

Девятнадцать историй о том, что стоит только впустить самое маленькое чудо в свою жизнь, как обыденность начинает трещать по швам.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-4

© Copyright © 1993 by Charles de Lint

© Н. Екимова, перевод на русский язык

ISBN 978-5-17-096618-9

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Ступайте легче, ибо вы
ступаете по снам моим.

У. Б. Йейтс.
«Он жаждет небесного плаща»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы сейчас держите в руках, — это не роман, но и не простой сборник новелл. Скорее это цикл, состоящий из мифов и снов, страстей и печалей, комических и любовных историй большого города, тех ниточек индивидуальных судеб и драм, из которых сплетается пестрый узор общей жизни, — в общем, та самая магия, без которой не обходится ни один город, ни одна община близких по духу людей. И если вам покажется, что в вымышленном Ньюфорде мифа и тайны больше, чем в любом из виденных вами городов, то лишь потому, что вы не смотрели на них глазами Чарльза де Линта, не примеривали к ним ту завесу грез, которую он сплетает из слов и мелодий. В этой книге он как раз делится своими грезами с нами, но просит, говоря словами Йейтса^[1], «ступать легче», ведь городская магия пуглива и мимолетна... и всякое прикосновение к ней приносит перемены.

Джозеф Кэмпбелл^[2], Карл Юнг^[3], Джеймс Хиллман^[4], Мария-Луиза фон Франц^[5] и другие много и красноречиво писали о важности мифа для современного общества, о потребности в богатых архетипическими образами сказках, которые способны вернуть

целостность раздробленной современной жизни. «Пользуясь архетипами и языком символов, — замечает фольклорист и писательница Джейн Йолен, — [фэнтези] придает наглядность мучающим читателя конфликтам и ситуациям, которые невозможно облечь в слова, а стало быть, объяснить или проанализировать. Оно делает материальными сны... [и] ведет нас к пониманию потаенных стремлений и самых дерзких мечтаний человечества. Возникшие в далекой древности образы говорят с нами на современном языке, хотя мы и не всегда способны осознать заключенный в них смысл. Как и сны, они тают, а их суть ускользает от нас, но, проснувшись, мы по-новому ощущаем реальность. Они трогают нас, даже если — а может быть, и потому что — мы не понимаем их до конца. Они двойственны, половина на свету, половина в тени, но именно темная сторона действует сильнее всего. Так что если современный творец мифов, создатель волшебных сказок, отваживается прикоснуться к древнему колдовству, чтобы заставить его говорить на новый лад, он должен твердо знать, что делает».

Де Линт и есть один из тех авторов, которые разрабатывают эту золотоносную жилу с наибольшей уверенностью и знанием дела. Читатели, столкнувшиеся с его «городскими легендами» впервые, возможно, найдут характерное для них смешение древних фольклорных мотивов с современной городской жизнью несколько необычным, ведь в нашей стране принято расчленять литературу и навешивать ярлыки: «фэнтези» в одну сторону, реализм и мейнстрим — в другую (хотя на одну полку с мейнстримом попадают работы таких зарубежных фантастов, как Кальвино^[6], Альенде^[7] или Гарсия Маркес^[8]). Но пока американские литера-

туроведы и книготорговцы строят жанровые стены, писатели, подобные де Линту, своими рассказами разбирают их опять, кирпич за кирпичом. Забудьте о ярлыках. Забудьте обо всем, что приходит вам в голову, когда вы слышите слово «фэнтези» или даже выражение «сборник рассказов». Только тогда вы сможете ступить на зачарованные улицы, созданные воображением де Линта.

В Ньюфорде мы попадаем не сразу, сначала автор приводит нас на более привычные улицы Лос-Анджелеса, потом знакомит с рассказами живущего в Ньюфорде писателя Кристи Риделла; и только после этого мы видим сам Ньюфорд, обычный североамериканский город, существующий одновременно везде и нигде, за тысячи миль отсюда или за следующим поворотом междугородней трассы. Как и в любом другом городе, в Ньюфорде есть кварталы для богатых и трущобы, дневная и ночная жизнь и сумерки между ними; однако автора интересуют прежде всего бездомные и те, без кого нельзя представить себе центральные улицы города, — бродячие музыканты и художники, панки и цыгане, проститутки, чародеи и сбежавшие из дому подростки, люди, для которых магия не просто проявление сверхъестественного, но демонстрация глубочайших потребностей души, искра надежды, теплящаяся в отчаявшемся сердце. Но самое могущественное волшебство — это чувство общности, дружба и любовь, сострадание и поддержка, которые есть на улицах Ньюфорда, — вот те серьезные темы, к которым обращается де Линт при помощи ярких фольклорных образов.

В Ньюфорде наивысшим магическим актом признается творчество: создание картины, стихотворения

или мелодии, клиники для больных СПИДом, или приюта для бездомных детей, или просто семьи и гармоничных отношений. Так люди привносят волшебство в свою жизнь; именно так, в большом и малом, они каждый день создают мир заново. Де Линт любой поступок такого рода превращает в рассказы, которые питают его Дерево Сказок, хранилище всех историй мира.

«Дерево Сказок, — говорит Чародей де Линта, — это работа магии, веры. Самим своим существованием оно утверждает, что человеческий дух сильнее уготованной ему судьбы. Истории — это всего лишь истории, они предназначены для того, чтобы развлекать и поучать, заставлять смеяться и плакать, но только те из них, которые хоть чего-нибудь стоят, пробуждают в нашей душе отклик, не стихающий и после того, как перевернута последняя страница...»

Связанные между собой истории ньюфордского цикла — еще одна ветвь на могучем стволе этого древнего дерева, которая будет цвести и благоухать, куда де Линт бродит по лабиринтам улиц придуманного им города.

Чарльз де Линт живет в Канаде, в городе Оттава, пишет романы, стихи, играет на скрипке и на флейте, рисует картины, изучает литературу и фольклор, однако истинное его призвание — волшебство; он один из тех редких людей, которые превращают в магию все, к чему прикасаются при помощи таких разных инструментов, как миф, сказка и фэнтези. «Думаю, что те из нас, кто пишет фэнтези, — сказала Сьюзен Купер, его коллега по перу, в речи, произнесенной на церемонии вручения награды в Ньюбери, — больше всего на свете стремятся сделать невозможное вероятным,

а сны похожими на правду. Мы — нечто среднее между абстракционистами и импрессионистами. В своем творчестве мы вновь и вновь возвращаемся к тем событиям из собственной жизни, которые меньше всего понимаем, а иногда и вовсе не помним. И если читателю, будь то взрослый или ребенок, нравится написанное нами, то, наверное, его тяга читать это родом из той же призрачной страны, что и наша потребность это писать... Я не раз пыталась объяснить, что же такое фэнтези, но ни одно определение меня не устраивало. Этот ярлык вообще ужасно ограничивает. По-моему, названия фэнтези заслуживает любое произведение искусства, будь то книга или пьеса, картина или музыкальное произведение, все, что добыто мастерством и талантом из чьего-то воображения. Мы просто грезим, а потом берем чистый лист и изо всех сил стараемся воспроизвести на нем наши грезы».

Книга, которую вам предстоит прочесть, вся состоит из грез Джилли Копперкорн и Джорди Софи и Кристи, Таллулы и самого Ньюфорда, увиденных и записанных Чарльзом де Линтом. Улицы вымышленного им города вымощены снами, тонкими и легкими, как осенняя паутина, или прочными и основательными, как камень или асфальт. Поэтому, приближаясь к сердцу Ньюфорда, помните: ступать нужно осторожно. Легко ступать.

Терри Уиндлин
(соредактор ежегодного сборника
«The Year's Best Fantasy and Horror»)
Уиверз Коммедж, Девон, 1992

ПТИЧИЙ РЫНОК ДЯДЮШКИ ДОББИНА

1

Обычно она видела их в сумерках, когда с океана тянуло вечерней прохладой: ветерок подгонял пухлые колобки, и они кувыркались вдоль линии прибоя, забредали в проулок позади ее дома, точно радующиеся свободе беглые пляжные мячи. Иной раз они цеплялись за какой-нибудь угол или камень на краю тротуара, и тогда из их упитанных боков высовывались тонкие длинные ручки, которыми они отталкивались от препятствия, и продолжали свой путь. Больше всего они походили на плывущие по реке весенние льдины или кусты перекаати-поля, только разноцветные — красные, желтые, голубые.

Они казались очень плотными, но только пока дул ветер. Стоило ему стихнуть, и яркие шары редели у нее на глазах, точно утренний туман под первыми лучами солнца, расплзались рваными цветными полотнищами, развеивались в воздухе без остатка, как дым.

То были особые вечера, она называла их Вечерами Круглых Людей.

Только раз в жизни она говорила о них: в конце шестидесятых, в Хайт-Эшбери. Дым ароматических

свечей плавал в воздухе: на ободранном подоконнике догорали две жасминовые пирамидки. В комнате на четвертом этаже заброшенного дома, куда приходили ночевать убежавшие от родителей подростки да бродяги, стояла старая железная кровать. Ржавые пятна покрывали матрас. Жасмин перебивал въевшийся запах плесени. Она добровольно выбрала бедность тогда, ведь на дворе стояло Лето Любви.

— Я знаю, о чем ты, приятель, — сказал Грэг Лонгман. — Я тоже их видел.

На нем были замызганная белая футболка с простым пацифистским знаком и поношенные пластмассовые вьетнамки. За поясом расклешенных джинсов торчала флейта. Длинные светлые волосы стягивала на затылке резинка. Черты тонкие, лицо аскета, худое и вытянутое то ли от бродяжничества и недоедания, то ли от избытка «дури».

— Они как... — Когда он говорил, его руки приходили в движение, словно пытаясь изобразить то, что, он чувствовал, нельзя передать словами, — целый новый язык, думала она, глядя, как длинные гибкие пальцы процеживают воздух. — ...Ну, они просто вообще...

— Так ты в самом деле их видел?

— Ну да. Только не на улице. Они парят высоко, знаешь, как такие толстые воздушные змеи.

Ей стало легче, когда она убедилась, что они настоящие.

— Правда, — добавил Грэг, — «дури» надо много выкурить, только тогда их увидишь.

Эллен Брейди положила книгу. Откинулась в кресле, щелкнула выключателем и уставилась в ночь. Воспоминания вдруг нахлынули на нее с такой неистовой

силой и остротой, что она почти чувствовала запах жасмина, видела ладони Грэга, которые порхали в облаках ароматного дыма, оставляя после каждого движения нечеткий смазанный след, пока ей не стало казаться, что рук у него больше, чем у Кали.

Интересно, куда же исчезают Круглые Люди.

Длинные светло-русые волосы Эллен накидкой спускались до самой талии. Ее родители были ирландцами — мать из мюнстерских О'Хили, отец из семьи Брейди из Дерри. В роду матери были испанцы, вот откуда эта смуглая теплота кожи самой Эллен. Зато все Брейди были чистопородные ирландцы, от них-то она и унаследовала широкую кость. Но не только. Прозрачные серые глаза — сумеречные глаза, как, бывало, поддразнивал ее отец, — которые могли заглянуть за пределы того, что окружало ее здесь и сейчас. Она и без наркотиков видела Круглых Людей.

Ерзая в плетеном кресле, она оглядела пляж, но уже почти стемнело, и ветер был не с океана. Тяжесть книги на коленях успокаивала, да и ее название как нельзя лучше соответствовало настроению Эллен: «Как вызвать ветер». «Жаль, что это не учебник, а всего лишь сборник занятных рассказов», — подумала она.

Автора звали Кристи Риделл, он был шотландец, худой, как спичка, всякие странные идеи без конца роились в его голове. Его прическа наводила на мысль о пережившем не одну зиму птичьим гнезде, к тому же он был на полголовы ниже самой Эллен, и все же она не могла забыть, как танцевала с ним однажды поздним вечером в саду, — с тех пор она не встречала партнера лучше. Они познакомились на востоке, в доме друзей, причудливостью не уступавшем самой ди-

кой фантазии. Длинные коридоры прихотливо вились меж потрясающими воображение анфилад комнат, одна восхитительнее другой. И библиотеки. Эллен просто жила в них.

«При подходящем ветре на мудреца надежды меньше, чем на дурака» — так начинался первый рассказ.

Эллен помнила эту историю, еще когда та была настоящим рассказом, а не напечатанным на бумаге. В те дни она всегда звучала по-разному.

Жил-был однажды под пирсом в конце Мейн-стрит то ли гном, то ли просто человек очень маленького роста по прозвищу Долговязый. Кожа у него была коричневая, как засохшая грязь, а глаза голубые, как небо в погожий летний день. Был он худ, но с толстым брюшком и крючковатым носом, одевался в лохмотья, которые находил на пляже, и носил их до тех пор, пока сквозь них не начинало просвечивать тело. Свои спутанные волосы он убирал под ярко-желтую кепку. Или заплетал в тонкие косички и привязывал к ним бусины и металлические петельки от пивных банок, которые натирал рукавом до зеркального блеска.

И хотя всякий, кто замечал, как он слоняется по улицам или бродит по пляжу, счел бы его скорее обычным бродягой, чем волшебником, две чудесные вещи у него все-таки были.

Во-первых, свинья, которая видела ветер и умела летать на нем. От пяточка до кончика хвоста она была розовая и чистенькая, и такая большая, что хоть на ярмарку езжай — что Долговязый иной раз и делал, — а еще она разговаривала. Не на свинячьем языке, и даже не на свинячьей латыни, а на самом настоящем английском, который понял бы всякий, кто дал бы себе труд послушать. Имя хрюшки менялось от рас-